

Утро 17 октября 1941 года было хмурым. Облака со свинцовым отливом ползли в небе.

Штаб полка Ростовской стрелковой дивизии еще с вечера расположился в небольшом хуторе под Матвеев-Курганом.

Наш взвод конных разведчиков, да и другие подразделения, готовились к нехитрому солдатскому завтраку. Как раз прибыли три автомашины с продуктами и боеприпасами. 60 — 70 человек связистов, химиков, саперов, разведчиков, находившихся при штабе, уже было присели к котелкам, как вдруг прокатились тревожные возгласы: «С запада на хутор движутся танки фашистов!»

На улице засвистели пули, то тут, то там начали разрываться снаряды.

Надо сказать, что для наших подразделений это была первая встреча с фашистскими танками. В тот момент у нас не было бутылок с горючей смесью, недостаточно было и ручных гранат (противотанковые, как известно, появились немного позднее, в начале 1942 года).

Немецкие танки, не приближаясь к хутору ближе, чем на 100 метров, начали вести по нему огонь. Мы же старались из своих винтовок и карабинов через смотровые щели танков поразить их экипажи.

Вдруг в одном из танков открылся люк башни, наружу высунулся танкист в черном ком-

# Знамя полка

**В БОЯХ ЗА МАТВЕЕВО-  
КУРГАНСКИЙ РАЙОН**

бинезоне и в жестяной рупор начал кричать: «Рус, сдавайся на плен!» Но он тут же рухнул на крышку люка под возбужденные крики наших солдат.

Огонь стал шквальным. Загорелись несколько хат и две автомашины.

В этот момент с восточной стороны появились орудийные упряжки — на помощь нам спешили расчеты двух полковых 76-миллиметровых пушек. Круто развернувшись перед танками врага, артиллеристы открыли по ним огонь. У двух танков сразу заклинили башни, а одному перебили гусеницу.

После еще получасового обстрела танки задним ходом, влоча на буксире машину с поврежденной гусеницей, изрыгая огонь и металл, начали отходить туда, откуда появились. Мы предполагали, что они могут вернуться в сопровождении пехоты или автоматчиков. Так и случилось. Минут через сорок тринадцать танков вернулись, за ними шли автоматчики. Двигались машины медленнее, чем в первый раз.

Мы продолжали огонь. Силы были неравными. Начальник

штаба полка капитан Ульянов отдал приказ отходить из хутора мелкими группами, используя складки местности и прикрываясь огнем личного оружия. Вместе с остальными подразделениями мы, разведчики, перебежками и перекатами от копыны к копне стали отходить.

Когда мы отошли от хутора метров на шестьдесят, начальник штаба обнаружил, что с нами нет двух полковых знаменосцев со знаменем. Разведчик-кавалерист, бывший рабочий-жестянщик Ростовского завода «Эмальпосуда» Матвиенко вызвался узнать, в чем дело. Ему указали хату, в которой находилось знамя.

Под свист пуль и разрывы снарядов, переползая и перебегая открытые места, Матвиенко быстро добрался до цели. Через некоторое время его фигура вынырнула из хаты и помчалась обратно, к нашим, уже передевшим порядкам.

Оказывается, в указанной хате никого не было. Тогда Мат-

виенко получил второй приказ: во что бы то ни стало знамя отыскать.

Он тем же путем бросился к хутору и скрылся в одной из горевших хат. Вскоре он выскочил из огня и побежал, прижимаясь к каменным оградкам дворов.

Нас уже отделяли от хутора больше 200 метров. Догнав товарищей, вспотевший, запыхавшийся, он вытащил из-за борта опаленной огнем шинели алое полотнище знамени и просто сказал: «Оба знаменосца убиты — прямое попадание в хату. Знамя пришлось с дровка сорвать...».

В декабре 1941 года, когда первый раз немцы отступили от Матвеев-Кургана, Матвиенко был представлен к правительственной награде.

Но бои разлучили нас, и я так и не знаю, получил ли ее бесстрашный воин...

**В. ЛЮБИМОВ,  
гвардии майор запаса.**